

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ТЕПЕРЬ Я ТОЧНО ЗНАЮ, ЧТО БОГА НЕТ

**ТВОЙ
СМЕРТНЫЙ ГРЕХ**

Чингиз Абдуллаев
Твой смертный грех

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Твой смертный грех / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2012

В российском высшем обществе о Роберте Туманове говорили разное, и слухи были один страшнее другого. Туманов слыл чуть ли не главным поставщиком наркотиков в страну, бандитом с огромным стажем, матерым уголовником; человеком, который ни перед чем не остановится и ничего не боится. Однако его манеры, поведение, образованность и аристократичность говорили совсем об ином... Противоречивость и таинственность Туманова увлекли жену олигарха Ирину не на шутку. Но если бы она знала истинную правду об этом человеке, ее удивлению не было бы конца. Ведь у Роберта была не одна жизнь, а целых три...

© Абдуллаев Ч. А., 2012

© PEN-клуб, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Абдуллаев

Твой смертный грех

Следует окружить себя со всех сторон цепью ледяных гор – правилами игры, и тогда люди, которые захотят к тебе приблизиться, отморозят себе руки. А позсаловаться они не смогут, ведь это их собственные правила игры. Пусть они быют в пустоту и теряют равновесие – тут уж делай с ними что твоей душе угодно.

Ганс Эрих Носсак

Глава 1

Прием проходил в отеле «Ритц-Карлтон». Построенный на месте бывшего здания «Интуриста», которое торчало нелепым «гвоздем» в центре Москвы на бывшей улице Горького, этот отель стал одним из самых фешенебельных и роскошных в столице. На приеме, устроенном в честь презентации известного гламурного журнала, было много известных людей – политиков, бизнесменов, популярных актеров, звезд шоу-бизнеса. Были и никому не известные, которые умудрялись попадать почти на каждую подобную тусовку. Всего на приеме собралось около трехсот гостей.

Одной из последних приехала молодая женщина лет тридцати пяти. Она вышла из представительского «БМВ», подождав, пока охранник, сидевший рядом с водителем, откроет ей дверь. Затем этот же охранник проводил ее в холл отеля, где она скинула ему на руки норковое манто и осталась в элегантном сером облегающем платье от известного итальянского модельера. В руках у нее была небольшая серебристая стеганая сумочка, а на ногах туфли на высоких каблуках того же цвета. Внимательный наблюдатель мог обратить внимание на часы с плавающими бриллиантами, стоившие не меньше двухсот тысяч долларов.

У женщины было довольно миловидное лицо с немного вздернутым носиком, голубые глаза и красиво уложенные каштановые волосы. Она доброжелательно поздоровалась с организаторами приема, проходя в зал, и сразу нашла знакомых женщин, которые потянулись к ней.

Стоявшие в противоположном углу двое мужчин с интересом взглянули на незнакомку.

– Кто это? – спросил один.

– Ирина Хаусман, – пояснил второй, пожилой лысоватый мужчина лет шестидесяти. – Разве вы ее не знаете? Известная особа в Москве. Не пропускает ни одного подобного приема. Такая светская львица. Жена Романа Хаусмана...

– Владельца страховой компании?

– Да. К тому же он акционер сразу нескольких компаний. Говорят, что «Форбс» поставил его в своем новом списке по нашей стране на восемьдесят девятое место. Неужели и про него вы ничего не слышали?

– Меня долго не было в Москве, Лев Борисович.

– И тем не менее вы должны были слышать о Хаусмане. Он достаточно известный человек.

– Теперь буду знать. А чем именно занимается его жена?

– Ничем. Или всем. Как вам больше нравится. Богатая бездельница, которая охотно играет в «благотворительность». Умело просчитывает каждый свой шаг, публикует каждый раз суммы, жертвуемые ею на благотворительность, и охотно помогает молодым актерам из шоу-бизнеса. Все как обычно. Когда много «легких» денег и скучно жить, хочется чего-то оживляющего.

– Они давно женаты?

– Лет пять.

– Странно. Очень красивая женщина...

– Она – его третья супруга, а он – ее второй муж, – охотно объяснил Лев Борисович.

– И кем был первый муж?

– Тоже бизнесменом. Но, конечно, не таким известным, как Хаусман. Какой-то владелец универмага или супермаркета, что-то в этом роде. Кажется, он был грузин и намного старше ее. Они развелись довольно быстро.

– Красивая женщина, – задумчиво повторил мужчина. – Откуда вы все знаете, Лев Борисович?

– У меня такая профессия – все знать, – вздохнул тот. – Я ведь адвокат и смею вас уверить, что адвокат неплохой, которому принято доверять самые большие секреты. Все знают, что Гальперину можно доверить любые тайны, и я буду достаточно последовательно и настойчиво их защищать.

– Не сомневаюсь, – согласился мужчина.

Ему было около сорока лет. Немного выше среднего роста, худощавый, подтянутый, он являл собой разительный пример большинству пришедших представителей мужского пола, которые позволяли себе уже к сорока годам нагуливать «пивной животик» и переедать в модных ресторанах столицы. Мужчина был одет в строгий темный костюм в тонкую белую полоску, к которому добавлялись светло-голубая сорочка и сине-красный галстук, подобранные с большим вкусом. Внешность у него была довольно запоминающаяся. Тяжелый подбородок, немного раскосые глаза, черные волосы, в которых уже начинала пробиваться седина. Но она лишь добавляла незнакомцу некий шарм, свойственный уже зрелым мужчинам. Адвокат Гальперин обращался к нему как к Роберту Туманову.

Ирина почувствовала на себе взгляд незнакомца и повернула голову. Взгляды встретились, и она, усмехнувшись, отвернулась – этот молодой нахал позволял себе так нагло ее рассматривать. Первый муж Ирины был старше ее на четырнадцать лет, а нынешний – на шестнадцать, поэтому она привыкла, что все мужчины ее возраста или немного постарше всего лишь молодые щенки, на которых не стоит обращать никакого внимания. К тому же Ирина слишком ценила свое нынешнее положение, чтобы позволить себе заглядываться на какого-то наглеца, осмелившегося так бесцеремонно и нахально ее рассматривать.

Но мужчина не сводил с нее взгляда, и она невольно сделала шаг вперед, прячась за фигуру своей подруги. По залу разносили крепкие спиртные напитки и соки. Не отводя взгляда от прячущейся за подругами Ирины Хаусман, Туманов подозвал к себе официанта, выбрал стакан с виски и бросил туда щедрую порцию колотых льдинок. Когда Ирина снова бросила на него взгляд, он по-прежнему смотрел в ее сторону.

– Кажется, наша гранд-дама заинтересовалась вами, – заметил Гальперин. – Если вы не заядлый сердцеед и не боитесь разборок с ее супругом, можете улыбнуться ей в ответ.

– Я вообще редко улыбаюсь, – пояснил Туманов. – А где они живут?

– Там, где и все остальные. Конечно, на Рублевке, в своем коттедже. Сейчас все более или менее обеспеченные люди живут за городом. Лучшая экология, меньше суеты и меньше загазованности.

– И я должен бояться ее супруга?

– Если попытаетесь сойтись с ней ближе, то безусловно. У Романа Эдуардовича репутация очень жесткого человека. Добавьте и шестнадцать лет разницы. Любой мужчина будет психовать рядом с такой красивой женщиной, даже имея столько денег, как Хаусман.

– Вы меня убедили, – без тени улыбки произнес Туманов, – теперь не стану даже смотреть в ее сторону.

– Я не был бы так категоричен, – улыбнулся Гальперин, – но, в общем, вы правы. Всегда лучше налаживать новые отношения со свободными женщинами, чем рисковать и нарываться на гнев очередного Отелло, которому не всегда могут нравиться заигрывания с его Дездемоной.

Он отошел к известной певице, давно посматривавшей в их сторону. Она собиралась поручить Гальперину свой бракоразводный процесс и теперь терпеливо ждала, когда он наконец закончит разговаривать с этим неизвестным мужчиной и подойдет к ней.

Туманов остался один, по-прежнему не спуская глаз с гостыи.

Ирина снова заметила его настойчивый и внимательный взгляд. Это становилось забавным. Она улыбнулась и покачала головой, чтобы он заметил ее жест. Нельзя быть таким настойчивым, это просто неприлично. С другой стороны, подобная назойливость приятно щекотала нервы. Такие нахальные мужчины уже давно ей не попадались. После того как она вышла замуж за Романа Хаусмана, никто не осмеливался смотреть на нее таким образом, репутация «сердитого» мужа была хорошо всем известна. Странно, что этот тип никогда не слышал о ее супруге. Может, незнакомец – обычный иностранец? Ирина внимательно оглядела его. Нет, не похож. Скорее у него восточные корни, хотя определенно сказать достаточно сложно. Сейчас многие народы перемешались, и достаточно трудно определить, кто именно перед вами – типичный азиат, стопроцентный европеец или вообще прилетевший из другого полушария американец или канадец. Нет, этот тип хоть и одет в превосходный костюм, тем не менее продукт явно местный, а значит, обязан понимать, что нельзя рассматривать так посторонних женщин, даже если никто и никогда не узнает о его бесцеремонном поведении на приеме.

– По-моему, этот тип слишком нагло на вас смотрит, – заметила соседка Ирины, стоявшая рядом с ней.

Соседка была владелицей нескольких бутиков. И хотя ей уже за пятьдесят, она все еще молодилась, подтягивала кожу, надувала губы, убирала морщины, не вылезала из косметических салонов, героически голодала, чтобы сохранить фигуру, и, по ядовитым слухам своих подруг, уже дважды убирала себе жировые складки. Нина Константиновна Бичурина, супруга Викентия Бичурина, который уже давно махнул рукой на все чудачества своей супруги. Она носила вызывающе обтягивающее белье и не стеснялась появляться даже в мини-юбках, демонстрируя свои «сделанные» ноги. По тем же слухам, она содержала молодого любовника, который был оформлен ее секретарем, и это не вызвало никаких возражений у мужа, справедливо рассудившего, что такой вариант ему вполне подходит. Любовника звали Вадимом, и ему было около тридцати. Высокого роста, белокурый, смазливый, услужливый и внимательный. Наличие Вадима позволяло самому Бичурину заниматься своими делами, не приходить домой по ночам, а отправляться к любовнице. Подобное положение устраивало обоих супругов. У них были уже взрослые дети и внуки, и им более всего хотелось избежать публичных скандалов.

– Вы его знаете? – спросила Ирина.

– Туманов, – ответила Бичурина, – Роберт Туманов. Появился из Европы несколько лет назад. Кажется, полтора года назад. По слухам, достаточно богат, но занят темными делишками; говорят, даже сидел в какой-то французской тюрьме. Но человек достаточно скрытный. Никто ничего не знает ни о его семье, ни о прежней жизни. Только слухи, моя дорогая, только слухи.

Она давно ненавидела свою собеседницу, но положение обязывало, и на подобных приемах они даже мило здоровались и целовались. Бичурина не могла не видеть, как смотрят на жену Хаусмана остальные мужчины, и это приводило ее в ярость. Она знала, что Ирина была родом из Чебоксар и приехала сюда в семнадцатилетнем возрасте поступать в театральное училище. Конечно, девочка не поступила и устроилась работать в каком-то дешевом варьете. Некоторые же утверждали, что это был ночной клуб, где Ирина демонстрировала стриптиз. Возможно, это были лишь грязные слухи завистниц. И хотя Ирина делала все, чтобы скрыть подобный факт своей биографии, о нем знали многие. Выжить приезжей семнадцатилетней

девочке в Москве в лихие девяностые годы было очень трудно. Через что именно прошла Ирина, никто точно не знал. Наверное, для нее это были не самые приятные воспоминания. Ей невероятно повезло. Ее подруги либо спивались, либо становились наркоманками, либо заканчивали на улицах, пытаясь заработать на жизнь. А в Ирину влюбился один бизнесмен и решил забрать ее из этого заведения. Он помог ей с жильем и даже разрешил заочно поступить в институт. От него Ирина родила своего единственного сына. Но «благодетеля» довольно быстро убили.

В девяностые годы любой бизнесмен, даже не имевший отношения к преступному миру, должен был опасаться за свою жизнь. «Не имеющих отношения» почти не было. А значит, почти все жили под постоянным давлением криминального мира. Долги обычно не возвращались, кредиты не отдавались, государственные деньги переводились в офшоры, а собственность переписывалась на посторонних людей. Идеальным решением любой финансовой проблемы была пуля киллера.

После смерти своего друга Ирина сумела выжить и даже вышла замуж за другого бизнесмена, владельца известного московского супермаркета. Он был гораздо старше ее, но с ним она прожила около трех лет. Переписав квартиру и дачу на свое имя, ей удалось получить при разводе неплохую сумму отступных и два автомобиля. И уже в качестве достаточно состоятельной и независимой женщины она встретила Романа Эдуардовича Хаусмана, за которого и вышла замуж через год после их знакомства.

Сын был отправлен на учебу в Швейцарию, а Ирина, которая была некоторое время Ириной Петрозашвили, стала теперь Ириной Хаусман, постаравшись навсегда забыть свою первую и основную фамилию – Станцева.

– А как он оказался на этом приеме? – поинтересовалась Ирина у Бичуриной.

– Наверное, кто-то пригласил, – пояснила Нина Константиновна. – Сейчас время такое – можешь случайно оказаться в одной компании либо с бандитом, либо с известным писателем, либо с каким-то политиком. Все перемешалось. – Туманов по-прежнему не сводил взгляда с Ирины, и Бичурина неожиданно заметила: – А он симпатичный, но очень наглый.

Ирина еще раз взглянула на смотревшего в ее сторону мужчину и, повернувшись, направилась в туалетную комнату. Она подошла к зеркалу, взглянула на себя и нахмурилась, увидев, как покраснелись щеки. Этот непонятный незнакомец так бесцеремонно ее рассматривал. Вдруг скрипнула дверь, и в женский туалет вошел Туманов. Ирина не испугалась, только немного удивилась и, холодно взглянув на него, произнесла:

– Вы перепутали туалеты.

– Нет, – возразил Туманов, подходя ближе, – не перепутал. – Голос у него был приятный.

– В таком случае я перепутала, – сказала Ирина, отворачиваясь, чтобы выйти.

Но не успела сделать даже одного шага, как он положил ей руку на плечо. Это была уже не наглость, а нечто большее.

– Что вы хотите? – резко бросила она.

Туманов дернул ее к себе, пытаясь поцеловать, и от такого хамства и напористости она даже растерялась. А между тем его ищущие губы уже скользили по ее лицу. Она попыталась вырваться, отвернуться, но у него была стальная хватка. Наконец его губы встретились с ее губами, и он прошептал:

– Не дергайся.

Ирина все крепче сжимала губы, но по-прежнему ничего не боялась. Девочка, которая в семнадцать лет приехала одна в Москву в девяносто пятом году, прошла через кровавые девяностые и сумела выжить во время августовского дефолта девяносто восьмого, не могла испугаться. Она не могла испугаться еще и потому, что ее дважды насиловали в молодости, и она знала, как бывает больно и неприятно, когда на тебе рвут одежду и причиняют физическую боль.

– Отпусти! – гневно потребовала Ирина.

– Ты мне слишком нравишься, – прошептал он.

У него было приятное дыхание. И пахло от него мужчиной. Каким-то острым сандаловым парфюмом и мужской силой.

– Это основание для того, чтобы ловить меня в туалете? – насмешливо спросила Ирина.

Он опустил руки.

– Извини, кажется, я повел себя глупо.

– И нагло, – добавила она, не торопясь уходить, – в любой момент сюда может кто-то зайти.

– Тебя останавливает только это?

– Мы даже незнакомы.

Туманов снова поднял руки и прижал ее к себе. Правая рука больно сжала ее бедро.

– Значит, нужно познакомиться, – предложил он.

– Дурак, – ответила она.

Он страстно поцеловал ее. Рука заскользила вниз, приподнимая платье.

– Нет, – прошептала Ирина, – не здесь. Пожалуйста, не здесь.

Рука сразу опустилась. Он умел контролировать свои эмоции. Это ей тоже понравилось.

– Я сниму номер наверху, – предложил Туманов, – а потом спущусь за тобой.

– Хорошо, – согласилась она и, поправив прическу, пошла к выходу. Уже открыв дверь, обернулась и улыбнулась напоследок.

Через десять секунд Туманов тоже вышел из туалета, столкнувшись с пожилой дамой, которая удивленно взглянула на него и шарахнулась в сторону.

Он прошел к портье и заказал номер в отеле. Потом вернулся в зал, где проходил прием, но Ирины нигде не было видно. Туманов подошел к Гальперину.

– Вы ее не видели? – спросил он.

– Кого? – не понял Лев Борисович.

– Госпожу Хаусман. Она была здесь...

– Она уже уехала, – удивленно ответил Гальперин, – я сам видел, как она подходила к своей машине.

И тогда Роберт Туманов впервые за вечер усмехнулся.

Глава 2

Мать меня не любила. Я всегда это чувствовал. Может, потому, что был третьим ребенком в семье. Вернее, потому, что я был третьим мальчиком в семье. Она, конечно, ждала девочку. После двух мальчиков, моих старших братьев, она так хотела дочку... И говорят, все сердобольные соседки и родственницы уверяли ее, что она родит именно девочку. Какая-то идиотка первой придумала, что если живот острый, то будет мальчик, а если круглый, то обязательно наоборот. Из чего вы уже догадались, что живот у матери был достаточно круглым, чтобы убедить всех в том, что родится девочка. Но родился третий мальчик. Когда ей сообщили эту новость, она заплакала. Не уверен, что от счастья.

Если вспомнить русские сказки, то там всегда первые двое сыновей достаточно умные, а третий – дурак. Вот этим дураком я и был. И отношение к третьему мальчику в семье оказалось соответствующим. Я практически не помню, когда мне покупали новую одежду или новые ботинки, приходилось донашивать вещи старших братьев. Единственная новая вещь, которая была у меня в детстве, – это шерстяной джемпер, подаренный сестрой моего отца именно мне. Но с джемпером связаны особо неприятные воспоминания, о которых я расскажу позднее. В общем, я был своеобразным «гадким утенком» в семье, которого никто особенно не ждал и не жаловал.

Мы жили в Уфе, и отец работал на заводе стекловолокна. Сыновей он назвал Раисом, Равилем и Ринатом. Вы уже догадались, что Ринат – это я. Ринат Мухтарович Давлетшин, вот такое имя я получил при рождении.

Когда я родился, отцу уже подкатывало под сорок. Это был строгий мужчина с прокуренными седыми усами, и мальчики его очень боялись. Когда двое старших однажды напроказничали, исцарапав «Запорожец» нашего соседа, он спокойно снял ремень и по очереди выпорол каждого. Очень спокойно и без ругани, что было еще страшнее. Раис и Равиль все время дрались друг с другом, ругались, но дружили крепко, а такую «мелюзгу», как я, и близко не подпускали к своим играм. И уж тем более никто из них даже не думал играть со мной или просто общаться.

А я донашивал их одежду под насмешки своих школьных товарищей, которые всегда понимали, что эта одежда досталась мне от моих старших братьев. Когда я пошел в первый класс, Раис был уже в шестом, а Равиль – в пятом. Можете себе представить, какая это разница в школе? Никогда не забуду, как Леша Вихров где-то в третьем или четвертом классе пошутил, что у меня брюки в заплатках, оставшихся от моих старших братьев. Все так надо мной смеялись, а я готов был провалиться сквозь землю. Мне было ужасно стыдно. Сам не знаю почему, но стыдно. Хотя, если подумать, нет ничего обидного – носить одежду, оставшуюся от своих старших братьев. Но мне так хотелось в детстве надеть наконец что-нибудь свое, новое, в котором никто в школе не видел моих старших братьев. И тогда появилась тетя Лиза, подарившая мне новый шерстяной джемпер. Хотя я подозреваю, что она покупала его для кого-то из моих старших братьев, но мальчики после шестого класса начинают быстро расти, и джемпер мог подойти только мне.

Ночью я три раза вскакивал с кровати, чтобы посмотреть на свой новый джемпер, висевший в шкафу. Он был двухцветный, сзади желтоватый, а спереди коричневый, и застегивался на светлые пуговицы. Никогда в жизни я больше так не радовался новой одежде. Для меня джемпер был лучше смокинга или фрака от самого известного портного. Утром, дрожа от возбуждения, я надел его и пошел в школу. Мне было только одиннадцать лет.

Вы уже догадываетесь, что именно произошло? Правильно догадываетесь. Тот же Леша стал первым меня высмеивать, спрашивая, когда этот джемпер носили мои старшие братья, под дружный хохот остальных ребят. Никто не поверил, что это новая вещь, которую я первый

раз надел сегодня утром. Все закончилось тем, что я полез в драку с Лешей и порвал свой джемпер в двух местах. Мать молча закатила мне пощечину и села его штопать, а я забился в угол и проплакал до вечера. Когда пришел отец, я ждал порки, но он только посмотрел на меня, что-то буркнул и вышел из комнаты. Наверное, понял, как сильно я переживал. С того дня я целых два года ходил в заштопанном джемпере.

Должен признаться, что иметь двух старших братьев, да еще таких откровенных хулиганов, как мои, было достаточно комфортно. В школе их все знали, и у меня практически не было никаких проблем, пока я учился в младших классах. Когда однажды какой-то второкурсник собрался меня обидеть, тут же появились оба моих брата и быстро объяснили придурку, как именно ему не стоит поступать. Но так было примерно до седьмого класса, пока мне не исполнилось четырнадцать. Я был шуплым, худощавым подростком маленького роста, который внезапно лишился поддержки своих старших братьев, ушедших в армию, и остался один. Вот тогда меня стали бить. И били достаточно больно. А заодно отнимали двадцать копеек, которые мать давала мне на бутерброды. Так продолжалось довольно долго. Наша школа находилась в рабочем районе, вокруг было много всякой шантрапы, и у меня практически не было шансов сохранять свои деньги в неприкосновенности. Все это мне довольно быстро надоело, и я записался в секцию бокса. Занимался с большим усердием, даже мои тренеры обращали внимание, как работаю на тренировках, вкладывая в свои удары столько злости и ненависти, словно уже заранее предвкушал, как именно буду расправляться со своими обидчиками.

Все так и получилось. Через год никто уже не решался отнимать мои деньги. Я дрался с таким отчаянием, с такой злой решимостью, что наши местные хулиганы потеряли всякий интерес к моим двадцати копейкам; глупо было нападать на бешеного драчуна, каким я стал в свои пятнадцать лет. Пока однажды сам не осознал, что мне нравится это дикое состояние драки, это упоение в бою, когда можно бить ненавистное лицо и не получать отпора. Едва почувствовав свою силу, я неожиданно понял, что теперь сам могу отнимать двадцать копеек у других ребят. И вместе с Лешей Вихровым и Кераем Хасановым, моими одноклассниками, мы сколотили довольно дружную банду, которая занималась отъемом мелочи у младшеклассников. Никто не хотел с нами связываться. Леша был нашим мозгом и наводчиком, он всегда чувствовал, у кого из ребят могут быть деньги, а Керай – настоящий амбал, неповоротливый, но сильный. Правда, в драках он бывал не столь ловок и надежен, но об этом знали только очень близкие друзья. А вот я был главным драчуном в компании. Это прекрасное состояние драки нравилось мне все больше и больше, особенно когда силы были равные. Драться с младшеклассниками оказалось довольно неприятно, такое ощущение, что мучаешь котенка или щенка. Хотя Вихрову доставляли удовольствие именно подобные садистские издевательства над слабыми. А я любил драться с ребятами постарше, которые могли мне ответить, больно ударить, постоять за себя. Не знаю, может, я с детства был мазохистом, и мне даже нравилось, когда мне отвечали. Но, в конце концов, я ломал любого, даже более сильного соперника. Своим напором, своей дерзостью, своей отвагой. Как говорили у нас в Уфе, я был мальчиком «с душком». А это самое главное в драке – никого и ничего не бояться.

Один раз нас даже забрали в милицию и сообщили об этом родителям. Мать дала мне еще одну пощечину и пообещала все рассказать отцу. Я понимал, что меня ждет довольно сильная порка, и был уже внутренне готов к этому. Но в тот вечер отец плохо себя почувствовал, ему вызвали врача и увезли в больницу. Говорили, что у него серьезные проблемы с сердцем. Так я избежал заслуженной порки.

Отец умер через два месяца. Я к тому времени учился уже в девятом классе. Ему было только пятьдесят пять лет. Он был начальником цеха и почти всю свою сознательную жизнь проработал на большом заводе. Люди говорили, что его все уважали, хотя и не очень любили. Он был сухим, мрачным, неразговорчивым человеком. Они вообще мало разговаривали с матерью, даже когда оставались вдвоем на кухне или в спальне, и почти никуда вместе не ходили.

Я не могу вспомнить ни одного случая, когда мой отец что-нибудь рассказывал детям или жене о своей работе. И когда он вообще открыто смеялся. У нас была небольшая трехкомнатная квартира, и входить в спальную родителей нам категорически запрещалось. В другой комнате была детская, где стояли три кровати, а третья комната была нашей столовой.

Когда отец умер, стало трудно. Старшие братья служили в армии, а я еще учился в школе. Забыл сказать, что наша мать работала в библиотеке рядовым библиотекарем, и теперь приходилось выживать на ее зарплату и ждать, пока вернутся мои старшие братья из армии. А на дворе был уже восемьдесят седьмой год. Мне исполнилось шестнадцать, и мы уже начали ощущать трудности, с которыми немного позже столкнулась вся страна. Мясо, масло, даже сахар стали выдавать по талонам. Потом исчезла и водка, ставшая невероятным дефицитом.

Через три месяца после смерти отца мы получили похоронку на старшего брата. Его убили в Афганистане, и вместо него нам привезли запаянный, закрытый цинковый гроб. Мы даже не узнали, что именно лежит там, внутри. Мать очень сильно переживала, много плакала. Я всегда подозревал, что она по-особенному относилась к своему старшему сыну. Средний брат вернулся еще через несколько месяцев и сразу устроился на завод, где раньше работал отец. Но к этому времени в стране все уже начало разваливаться.

В восемьдесят девятом я окончил школу и меня почти сразу призвали в армию. Я попал в Азербайджан, который тогда еще входил в состав единой страны. Всех, кто призывался вместе со мной из Уфы, отправили служить либо в Германию, либо куда-то в Прибалтику, а меня – в Азербайджан. Я к этому времени уже был кандидатом в мастера спорта по боксу, вот и стал служить в спецназе, хотя мусульман старались не отправлять туда, так как там как раз в это время начался конфликт между армянами и азербайджанцами.

В Карабахе мы и стояли между враждующими общинами. Тогда в Москве не придумали ничего лучше, как создать в Нагорном Карабахе Особый комитет под управлением Вольского, большого партийного функционера, присланного из Москвы. Если честно, то его не любили ни азербайджанцы, ни армяне. Он воспринимался как типичный наместник Центра, присланный сюда в качестве своеобразного прокуратора. Ну а мы соответственно были его преторианской гвардией. Только не удивляйтесь, что я знаю про прокураторов и преторианскую гвардию. Не забывайте, что моя мама была библиотекарем, и в детстве я читал достаточно много книг. Фактически это было моим единственным занятием. А вот учился я плохо, с трудом окончил школу на тройки и даже не сделал попытки поступить в институт. Считал, что все равно не попаду.

Можете себе представить, чего только я не увидел за несколько месяцев, пока мы дислоцировались в Карабахе. Армянская община не доверяла официальному Баку, а азербайджанская община не доверяла местной власти в Степанакерте. Да еще и город потом переименовали так, как он назывался раньше, – Ханкенды. Наши офицеры, не особенно стеснясь, продавали оружие обеим сторонам – автоматы, пистолеты, патроны, даже гранаты. За хорошие деньги можно было взять на одну ночь бронетранспортер с солдатами и поехать пострелять «на охоту». Меня в ночные охоты не включали – знали, что я из Башкирии, и не привлекали к этим «забавам». Офицеры считали, что нужно давить азербайджанцев-мусульман, и выходили на охоту, радостно сообщая, что идут убивать «чернозадых». Хотя справедливости ради стоит сказать, что когда деньги платили азербайджанцы, то наши офицеры с такой же охотой выходили охотиться на «хачиков». Время было такое, когда все разваливалось и всем было на все наплевать. Если в стране нет твердой власти, если исчезает страх перед законом, все моральные категории уже просто не работают. Деньги становятся главным стимулом.

В девяностом нас перевели в Киргизию, где было тоже очень сложно. Там враждовали узбеки и киргизы, и снова приходилось вставать стеной между двумя враждующими общинами. Только на этот раз мусульмане убивали мусульман. И убивали с особой жестокостью. В общем, лучше не вспоминать, как нас повсюду прессовали. А в девяносто первом меня наконец

демообилизовали. Летом я вернулся в Уфу и уже там смотрел по телевизору августовские события в Москве. С первого сентября я устроился охранником в местный ночной клуб «Золотая антилопа». Глупое название, говорят, был такой мультфильм. В клубе потихоньку приторговывали наркотиками, тусовались дешевые проститутки, приходили уже появившиеся в больших количествах бандиты и рэкетеры. А через несколько месяцев «вожди» трех союзных республик подписали в Беловежской Пуще какие-то бумажки, и Советский Союз окончательно перестал существовать.

Честное слово, к этому времени мы все так дружно ненавидели Горбачева, что готовы были не только Союз, но и всю планету послать к чертовой бабушке, лишь бы избавиться от этого несерьезного болтуна. Кто тогда знал, что пришедший ему на смену Ельцин окажется еще хуже и превратит всю страну в один большой криминальный общак, где верховодить будут его родные и приближенные, которые успеют захватить себе самые лакомые куски, а остальным придется выживать «по понятиям». Ну, это я так, к слову. Никогда не любил политиков, а сейчас их тем более не люблю.

Девяносто второй начался необычно. Утром я пошел на дежурство и обнаружил длинные колонны людей, которые стояли и продавали все, что могли продать: еду, галантерею, одежду, даже тапочки. Было полное ощущение, что мир сошел с ума.

И тут у меня появился шанс. Какой-то непонятный, невозможный, невероятный шанс. К нам в ночной клуб приехал оттянуться местный авторитет Тухват Ельгаштин по кличке Черный. Он и был какого-то непонятного темного цвета, наверное, в его роду были либо темнокожие, либо выходцы из южного Пакистана. Но любой намек на подобное родство приводил Тухвата в ярость, и он мог убить человека. Черный имел к девяносто второму году четыре судебных приговора и в общей сложности одиннадцать лет, проведенных за решеткой. Но криминальным авторитетом он не был – просто не мог жить по законам воровского мира. Полный беспредельщик.

К этому времени бандитов и рэкетиров развелось столько, что они были буквально повсюду, контролируя почти каждое торговое заведение, каждую палатку, каждый киоск. В начале девяностых казалось, что всю нашу жизнь определяют именно эти криминальные авторитеты в малиновых пиджаках и с бычьими шеями. Пустые глаза, откормленные рожи – они были похожи друг на друга, как близнецы. И конечно, вся милиция нашей славной страны была куплена этими братками. Вообще было полное ощущение, что в стране не осталось больше ни армии, ни правоохранительных органов, ни прокуроров, ни судей – только братки и купленные ими сотрудники спецслужб, которые их всячески крышевали и поддерживали. Словно в один день сразу отменили совесть, и теперь можно было делать все, что угодно. Не осталось никаких заповедей – ни библейских, ни человеческих. Все смертные грехи стали нормальным образом жизни. Люди перестали чтить родителей, создавали себе ложных кумиров, воровали, убивали, прелюбодействовали, предавали ради наживы. Не говоря уже о чревоугодии, которое стало доступным всем этим откормленным боровам.

Один из приближенных людей Тухвата – Леонид Димаров – попал к нам в клуб, и его охранники затеяли драку с приехавшими в город визитерами с Украины. Драка получилась веселой, всех четверых приехавших отправили в больницу. Но самое важное, что именно я вмешался в эту драку на стороне ребят Димарова и двое отправились в больницу именно после моих ударов. Ну и, конечно, этот тип сразу обратил на меня внимание и рассказал обо мне своему боссу. Тот заинтересовался и позвал меня на беседу.

Должен сказать, что ехал я к нему без особого энтузиазма. Наша встреча могла кончиться чем угодно. Я мог вообще не вернуться, если бы не понравился Черному. Но я ему понравился. И еще он позвал какого-то корейца, который должен был меня проверить. Только потом я узнал, что этот кореец был одним из главных бойцов Тухвата. И мне предстояла с ним схватка. Честно скажу, что сначала я пропустил несколько очень болезненных ударов. Он бил меня по

всем правилам своей науки. Оказывается, этот тип занимался модным тогда карате. Минут пять я ничего не мог с ним сделать, но упрямо лез вперед. Я ведь говорил, что меня трудно бывает остановить, а боль даже доставляет мне удовольствие. И тогда он стал бить меня сильнее. Я был весь в крови, но продолжал лезть на корейца. Кажется, даже он, в конце концов, смутился, и тогда я, уловив момент, обхватил его двумя руками и начал молотить кулаками по лицу. Не забывайте, что у меня был разряд по боксу. Меня едва оттащили от него, я вполне мог его убить. Тухват долго молчал, глядя на своего окровавленного охранника, лежавшего на полу. Я уже думал, что сейчас меня пристрелят прямо здесь. Но он неожиданно усмехнулся и сказал, что ему нужны именно такие ребята, как я, и предложил мне на него работать.

Чтобы вам было понятно, почему я сразу согласился, достаточно сказать, что моя зарплата охранника была равна двадцати двум долларам. И это была очень хорошая зарплата по местным меркам. А Тухват сразу предложил мне пятьсот долларов в месяц с условием, что я отправлюсь с ним в Москву. И я, конечно, сразу согласился.

Пятьсот долларов тогда представлялись мне абсолютно невозможной и немыслимой суммой, которую я мог заработать за двадцать пять месяцев своей работы при условии, что не потрачу ни одной копейки. Тогда была такая дикая инфляция, что даже десять долларов казались целым состоянием.

Я вернулся домой и объявил матери, что уезжаю в Москву. Она восприняла новость как-то отстраненно, словно ее вообще это не касалось. Я считал, что мать обязательно запретит мне уезжать, не даст своего согласия, не отпустит. Но она спокойно выслушала и сказала, что, возможно, так будет лучше. К тому времени мой брат Равиль уже женился и привел к нам свою жену, которая родила сразу двойню. Вот так мы и жили в небольшой трехкомнатной квартире. Спальню отдали Равилю и его семье, а мы с мамой оставались в детской. Конечно, жить можно было и вшестером, но это было достаточно сложно.

Можете себе представить, как мне было обидно слышать эти слова от собственной матери? Она так и не смогла примириться с тем, что ее третий ребенок родился мальчиком. Разве я виноват в этом? После смерти Раиса она словно потухла, исчез блеск в глазах; ее вообще мало что интересовало. А теперь еще я узнал, что ее больше волнует судьба среднего сына, чем отъезд младшего. Что ж, больше меня ничего не держало в родном городе. Все сложилось так, как должно было сложиться. Тухват вручил мне полторы тысячи долларов – мой гонорар за три месяца вперед, и я оставил половину денег матери с братом, так и не услышав от них особой благодарности. Мать равнодушно сказала «спасибо», а брат только кивнул головой, даже не пытаясь отговорить меня от этой поездки. Я иногда думаю – если бы он знал, что именно меня ждет в Москве, он отговорил бы меня или нет? Не знаю. Я просто был им не нужен. У матери двое внуков, рядом с ней ее сын – может, не такой любимый, но все-таки любящий ее – и заботливая невестка, нужно отдать должное супруге Равиля. Зачем им при этом охранник ночного клуба, нанявшийся на работу к бандитам?

На следующее утро я собрал свои вещи, пожелал матери и брату счастливо оставаться, попрощался с женой Равиля, поцеловал своих племянников и вышел из квартиры, захлопнув дверь, словно отсекал свою прежнюю жизнь. Можете мне не поверить, но мать лишь равнодушно кивнула головой, даже не попытавшись поцеловать меня на прощание или пожелать счастливого пути. Наверное, она считала меня самым непутевым среди сыновей. Ведь я не пошел на этот дурно пахнущий завод стекловолокна, где работал наш отец и где теперь горбатился Равиль. Она, вероятно, думала, что я тоже должен был пойти и умереть на этом вредном производстве. А может, и не думала. Может, меня вообще подменили в детстве и поэтому она так прохладно ко мне относилась? Или я вообще родился от другого мужчины. Хотя все говорили, что я больше похож на отца, чем мои старшие братья, которые были похожи на мать. Может, она просто не любила моего отца и поэтому так относилась к сыну, который все время напоминал ей нелюбимого мужа? Не знаю. Тогда я просто ничего не знал.

Но чувство обиды и разочарования оставалось у меня до самого аэропорта, где меня уже ждал мой новый босс Тухват Черный, с которым мы полетели в Москву. Господи, если бы кто-нибудь сказал мне, что именно меня там ждет! Я сейчас думаю, как это правильно, что наше будущее нам неизвестно, иначе мы просто не смогли бы нормально жить. Хотя кто знает? Может, наоборот, мы стали бы жить немного лучше или немного осторожнее? Об этом не мне судить. Я был молодой, наивный, ничего не знающий и еще не совсем понимающий, что именно происходит. Но реальная жизнь сразу ударила меня по лицу. Со страшной силой.

Глава 3

Спустя несколько дней в одном из тех модных бутиков, которых во множестве расплодилось в Москве, появилась Ирина Хаусман в сопровождении своего телохранителя, мужчины лет сорока. Она собиралась посмотреть новую коллекцию одежды, поступившую только вчера. Особым клиенткам обычно звонили и предупреждали о новых поступлениях.

В магазине почти никого не было. В таких дорогих бутиках обычно не бывает столпотворений; даже клиенткам звонят с таким расчетом, чтобы они появлялись в магазине, не пересекаясь друг с другом. Ирина приехала в четыре часа дня, когда здесь были лишь случайные посетительницы, которых всегда хватает даже в самом дорогом и престижном магазине одежды. Сразу две девушки-продавщицы бросились помогать ей выбирать одежду. Она прошла в примерочную, кивком головы разрешив телохранителю подождать в машине. В конце концов, здесь не бывало посторонних мужчин, а стоявший у дверей охранник гарантировал посетителей от случайных воришек.

Ирина выбирала тщательно и долго. Так обычно поступают женщины, которым богатство далось нелегко и которые ценят деньги, даже если это средства их мужей. Считается, что вышедшие из самых низов женщины легко разбрасываются деньгами, как бы пытаясь взять реванш у собственной бедной жизни. Но на деле это не совсем так. Именно такие женщины, которые в молодости хорошо знали цену копейке, крайне неохотно расстаются с деньгами, долго и придирчиво выбирая себе нужные вещи. Нужно родиться аристократом в богатой семье, чтобы не думать о них. Конечно, бывают исключения, но в этих случаях женщина как бы оправдывает собственное существование с человеком, от которого ей нужны только деньги.

В какой-то момент Ирина вернула одно платье и попросила принести другое. Когда занавеска дернулась и за ней появилась чья-то фигура, она спросила:

– Вы принесли платье? – и обернулась.

На нее смотрел Роберт Туманов, одетый в серый костюм и белую сорочку с галстуком в крупную синюю полоску. Так как она стояла в одном нижнем белье, то, быстро прикрываясь другим платьем, гневно вскрикнула:

– Вы с ума сошли? Что вы себе позволяете?!

– Я думал, что мы уже перешли на «ты», – ответил Туманов.

– Убирайтесь, – зло прошипела она. – Как вы здесь оказались?

– Какая разница? – Он улыбался, просто был серьезно-ироничен. – Главное, что я здесь, и сегодня твой наряд нравится мне гораздо больше, чем в прошлый раз.

– Я закричу, если вы немедленно не уйдете, – пригрозила Ирина.

– В прошлый раз я тебе поверил, и ты исчезла, – напомнил Туманов. – Значит, сделаем так. Завтра днем, в три часа дня, я буду ждать тебя в холле отеля «Ритц-Карлтон». Наш номер все еще ждет нас. Надеюсь, на этот раз ты приедешь...

– Ты сумасшедший, – тихо произнесла она, глядя на него.

– И как это ты догадалась? – Он повернулся и исчез, задержав занавеску.

Когда Ирина решилась через несколько секунд выглянуть, рядом уже никого не было, только продавщица подходила с очередным нарядом в руке.

– Где вы были? – резко спросила Ирина.

– Вы же сами послали меня за новым платьем, – удивилась девушка.

– А где твоя напарница?

– Она пошла оформлять блузку, которая вам понравилась, – ответила продавщица. – Вы будете примерять это платье?

– Нет, – разозлилась Ирина. – Не считайте меня идиоткой. Кто это был? Как вы могли пустить сюда постороннего человека?

– О ком вы говорите? – испугалась продавщица, боясь лишиться своего места.

– Ни о ком, – устало проговорила Ирина. – Унесите платье. Я больше ничего не хочу примерять.

– Вам что-то не понравилось? – робко спросила девушка.

– Это мое дело.

Через минуту Ирина вышла из примерочной, бешено взглянув на ничего не понимающую девушку-продавщицу, и направилась к выходу. Увидев ее, телохранитель выскочил из салона автомобиля, открывая ей дверь.

– Кто сейчас выходил из магазина? – спросила она, усаживаясь на заднее сиденье.

– Никто, – удивился телохранитель.

– Не будь таким идиотом! – уже не сдерживаясь, закричала Ирина. – Я тебя спрашиваю, кто сейчас входил и выходил из магазина?

– Никто не входил и не выходил, – ответил телохранитель, не понимавший причины ее срыва.

Она посмотрела на этого костолома. Не может быть, чтобы он врал. Телохранитель, в свою очередь, посмотрел на водителя и сказал:

– Мы вместе сидели. Никто в магазин не входил и не выходил за последние десять минут.

– Да, – кивнул водитель, – никто не выходил.

– Останови машину, – потребовала Ирина, когда автомобиль уже тронулся.

Она рванула дверцу и, выбежав, бросилась в магазин. Ворвалась туда так стремительно, что охранник, стоявший у входа, едва успел открыть дверь.

– Кто сейчас выходил из магазина? – спросила она, обращаясь к нему.

– Никто, – ответил тот.

– Не делайте из меня кретинку! – разозлилась Ирина. – Я тебя спрашиваю, кто этот мужчина, который сейчас вышел из вашего магазина?

– Никого не было, – испугался охранник.

– Что случилось? – подошла старшая продавщица.

– Где ваш менеджер? – обернулась к ней Ирина. – Срочно пригласите его сюда.

– Что-нибудь не так? – встревожилась старшая продавщица. – Вас неправильно обслужили?

– Да, меня неправильно обслужили. Позовите сюда вашего менеджера, – приказала она.

Женщина поспешила выполнить ее пожелание. Еще через минуту появился запыхавшийся менеджер. Ему уже успели шепнуть, что госпожа Хаусман в ярости.

– Идемте в мой кабинет, – предложил он, – мы уладим все наши неприятности.

– Это не неприятности, а настоящий бедлам, – возмущенно проговорила Ирина. – Я больше никогда не появлюсь в вашем магазине и посоветую всем своим подругам не ходить к вам.

– Что произошло? – теперь уже начал волноваться менеджер. – Вам нагрубил или плохо обслужили? Я немедленно уволю эту продавщицу.

– Боже, какие вы все примитивные! Я только хотела узнать, почему в женскую раздевалку может войти посторонний мужчина.

– Какой мужчина? – обернулся к старшей продавщице менеджер.

– Не знаю, – пожалала плечами та, и лицо ее покрылось красными пятнами.

– Она врет, – уверенно произнесла Ирина. – Когда я переодевалась, рядом появился посторонний мужчина, который даже разговаривал со мной.

– Какой мужчина? – все еще не понимал менеджер. – К вам в раздевалку вошел мужчина?

– Я же вам уже сказала. Он не вошел, он стоял рядом.

– У нас были посторонние? – повернулся менеджер к охраннику.

– Нет, – покачал головой тот.

– Он тоже врет, – окончательно разозлилась Ирина, – этот человек разговаривал со мной, и ваши продавщицы должны были его видеть. Но все делают вид, что ничего не видели.

– Вы его узнали?

– Нет. Но я знаю, как его зовут. Роберт Туманов.

Как только она назвала имя, менеджер улыбнулся и переглянулся со старшей продавщицей.

– Теперь все понятно, – сказал он, успокаиваясь. – Дело в том, что господин Туманов не входил в магазин через наш основной вход и тем более не выходил оттуда.

– Я с ним разговаривала...

– Да, да, конечно. Очевидно, разговаривали. Но наш охранник прав. И наши продавщицы тоже правы. Господин Туманов прошел через заднюю дверь. Дело в том, что он один из самых почетных наших гостей, даже в некотором роде совладелец нашего магазина. Насколько я знаю, у него есть акции нашей компании. Господин Туманов мог войти и выйти через служебные помещения, именно поэтому на него никто особо не обратил внимания.

– Туманов еще и совладелец вашего магазина? Неужели он такой богатый?

– Я не могу знать о богатствах акционеров нашей компании, но вполне очевидно, что он человек небедный, – пояснил менеджер.

– Ясно. До свидания. – Ирина снова повернулась, вышла из магазина и села в автомобиль. Когда он отъехал подальше, она позволила себе улыбнуться.

В этот вечер Хаусман была необычайно задумчива и спокойна. Даже муж, вернувшийся, по обыкновению, достаточно поздно, обратил внимание на ее состояние.

– Что-нибудь произошло?

– Нет, ничего. – Ирина уселась перед телевизором, словно не желая ничего говорить.

Но после ужина, не выдержав, она задала мужу вопрос:

– Роман, я могу у тебя узнать про одного человека, если, конечно, ты о нем слышал.

– Я знаю многих людей в этом городе, – равнодушно произнес Хаусман. – Кто именно тебя интересует?

– Роберт Туманов. Ты когда-нибудь слышал эту фамилию?

Роман вздрогнул. Это было необычно и не очень приятно. Хаусман редко вздрагивал, всегда контролируя свои эмоции. И она поняла, что происходит нечто выходящее за рамки ее обычных представлений о людях.

– Откуда ты его знаешь? – хрипло спросил муж. Он был явно встревожен.

– Видела на приеме, – пояснила Ирина, – мне о нем рассказывала Нина Константиновна Бичурина.

– Она старая сплетница, – зло отрезал Хаусман, – нашла кого слушать. И вообще держись подальше и от этой молодеющей старой дуры, и от такого человека, как Туманов. – Было заметно, как он нервничает.

– Я могу узнать, почему? – нахмурившись, спросила Ирина.

– Можешь. Можешь, конечно. Он известный бандит, который руководит поставками наркотиков в нашу страну. Люди говорят, что он столько пережил в свои молодые годы, что не боится ни черта, ни Бога, вообще никого.

– Он так опасен?

– Я же тебе говорю, что он бандит. И у него нет ничего святого. Но я думаю, что долго он все равно не протянет.

– Почему?

– Он бросил перчатку самому Оскару Ваганову. Помнишь, я тебе про него рассказывал? Мы видели его на приеме в прошлом году.

– Такой темный, неприятный мужчина, похожий на латиноамериканца?

– У него отец оттуда, – пояснил Хаусман, – учился здесь, потом бросил его мать и вернулся к себе на Кубу. А мальчик взял фамилию матери. Из-за его темного цвета кожи его называют Бразильцем.

– Почему Бразильцем? Ты же говоришь, что его отец был с Кубы?

– Откуда я знаю, – недовольно ответил Роман. – Возможно, он внешне похож на какого-то бразильского футболиста. Подробности не знаю и не хочу знать. Но теперь этот Бразилец и Туманов схлестнулись.

– Это так опасно?

– У бандитов все опасно. Туманов решил посостязаться с Бразильцем. А с ним состязаться нельзя, результат всегда один и тот же. В лучшем случае у вас будет персональная могила на хорошем кладбище, в худшем – вас закатают в бетон или выбросят в воду, и тогда никто и никогда не найдет вашей могилы. Очень неприятная перспектива.

– Чем все-таки занимается этот Туманов? – настаивала Ирина.

– Я же тебе говорю, что он бандит и глава крупной подпольной преступной группировки. Появился неизвестно откуда. Знающие люди говорят, что он много лет сидел во французской тюрьме. А теперь решил заняться еще более грязным бизнесом и стал отвечать за переправку наркотиков.

Она задумчиво молчала.

– Я советую тебе никогда о нем даже не вспоминать, – продолжал Хаусман, – это лучше, чем давать показания в качестве свидетелей против Роберта Туманова. И вообще не нужно произносить имена этих людей в нашем доме, не хватает, чтобы мы с тобой еще и обсуждали их.

Утром Ирина отправилась в парикмахерскую. Затем поехала в косметический салон. И ровно без пяти минут три уже стояла в холле отеля «Ритц-Карлтон». Было заметно, что она нервничает. Минуты тянулись очень долго. Она присела на диван, перелистывая какой-то журнал и все время поглядывая на часы. Одна минута четвертого, две, пять, десять. Ирина смотрела по сторонам, но никого не было видно. Часы показывали двенадцать минут четвертого, когда зазвенел ее мобильный телефон. В нем было послание: «Буду через десять минут. Задерживаюсь в пробке». Она прочитала сообщение с нарастающим изумлением. Этот номер телефона практически никто не знал, за исключением мужа и нескольких очень близких друзей. Как Туманову удалось его выяснить? И почему он так уверен, что она находится в холле отеля и ждет именно его? Кажется, он слишком много возомнил о себе. Еще осмеливается посылать сообщения на ее телефон и опаздывать на свидание... Нет, ей просто нельзя здесь оставаться.

Она снова взглянула на часы. Уже пятнадцать минут четвертого. Нельзя так унижаться, нужно встать и уйти. Но с другой стороны... Этот ловкий, подвижный, сильный мужчина, который так нагло ведет себя, вызывал у нее интерес. А рассказанная мужем история Туманова только удвоила этот интерес. Поэтому она сидела и ждала, когда же наконец в холле появится этот невероятный мужчина.

«Я скажу, что он хам и наглец, – твердо решила Ирина, – а потом сразу повернусь и уйду. И поменяю номер своего телефона. Пусть даже не думает, что он мог мне понравиться. В моей жизни уже были бандиты, вполне достаточно. Роман прав, они все плохо заканчивают».

Часы показывали двадцать минут четвертого. Она бросила журнал на столик, поднялась. В конце концов, у нее есть гордость. Конечно, в Москве ничего нельзя планировать и любой может попасть в эти проклятые автомобильные пробки, из которых невозможно выбраться, но он опаздывает уже больше чем на двадцать минут. Этого более чем достаточно, больше ждать она не намерена. Ирина повернулась, чтобы уйти, и тут же столкнулась лицом к лицу с Тумановым.

– Добрый день, – мягко сказал он. – Извините, что опоздал.

– На двадцать минут, – взглянула она на часы.

– Даже на двадцать две, – поправил ее этот хам. – Мне нет прощения, я действительно виноват. Можно, я заглажу свою вину вот этим небольшим сувениром?

Он протянул ей синюю коробочку. Она не хотела ее брать, но его взгляд, требовательный взгляд сильного мужчины, просто парализовал ее волю. Она протянула руку и взяла футляр.

– Откройте, – посоветовал Туманов.

Ирина открыла его и увидела медальон известной ювелирной фирмы. Она знала, сколько может стоить такое украшение. Самое приятное, что медальон был не просто красивым, он был безупречным. У этого бандита превосходный вкус.

– Это слишком дорогой подарок за двадцатиминутное опоздание, – тихо произнесла она, протягивая футляр обратно.

– Двадцать две, – поправил ее Туманов, – а это уже много. Оставьте себе эту безделушку на память о нашей встрече. Я приехал извиниться. К сожалению, сегодня не смогу задержаться, даже чтобы поговорить с вами. В четыре часа меня ждут в другом конце Москвы. Боюсь, что туда я тоже опоздаю.

Она почувствовала разочарование. Или облегчение? Или досаду? Она сама не смогла бы проанализировать в этот момент свои чувства, только вымученно улыбнулась:

– Туда вы тоже отнесете очередную коробочку?

– Нет, – ответил он без тени улыбки, – это деловое свидание.

– И вы приехали сюда только для того, чтобы подарить мне этот медальон?

– И вымолить у вас прощение.

Ирина прикусила губу. Он просто невероятный человек. С такой настойчивостью и наглостью выслеживать ее, проникать в магазин женской одежды, узнавать номер ее мобильного телефона, покупать ей дорогое украшение и отказываться от встречи только потому, что у него деловое свидание?... Она неожиданно поняла, что сама хочет этой встречи.

– Номер наверху все еще за нами, – продолжал этот невероятный хам, – и если вы сделаете мне одолжение, я буду ждать вас послезавтра, в три часа дня, на этом самом месте.

– Даже не надейтесь, – резко ответила Ирина, – и возьмите свой подарок. Он мне не нужен.

Ее больше всего разозлило не опоздание Туманова, а то, что он отказался от сегодняшней встречи. И даже не назначил встречу на завтра, а перенес ее на послезавтра.

– Подарки обратно не принимают, – слегка улыбнулся он, разводя руками, – можете выбросить, если вам не нравится.

Она поняла, что он не возьмет этот подарок, и если она сейчас разожмет пальцы, то коробочка просто упадет на ковер и все обратят на них внимание. Это разозлило ее еще больше, и она, повернувшись, пошла к выходу, сжимая футляр в руках.

– Послезавтра, – услышала она за своей спиной его голос.

«Хам, невоспитанный чурбан, бандитская рожа», – мысленно выругалась Ирина, усаживаясь в салон своей машины. Телохранитель захлопнул за ней дверцу, быстро сел рядом с водителем, и автомобиль медленно тронулся. Она повернула голову, взглянула на отель и неожиданно улыбнулась, повторяя про себя: «Просто невероятный хам».

Глава 4

Войдя в свой кабинет, он с раздражением посмотрел на бумаги, лежавшие на столе. Еще вчера вечером он дал себе слово – сегодня разобрать всю эту скопившуюся увесистую пачку, но каждый день приносил новые заботы и новые бумаги, которые он просто физически не успевал рассматривать. Вчера вечером его вызвали на совещание, и он провел там больше четырех часов. Только поэтому вчера не сумел разобраться с этими бумагами. А сегодня ему несут уже новую порцию документов, которые требуют его визы и согласования.

Если вспомнить, что генерала он получил только четыре месяца назад, а руководителем отдела работал не больше года, он просто обязан быстрее разбираться со всеми документами. С другой стороны, его назначили сюда как раз не для того, чтобы он просматривал эти многочисленные циркуляры, подписывал согласования и визировал бумаги, не относящиеся к его непосредственной работе.

Генерал Белобородов был молод. В начале года ему исполнилось только сорок четыре года. По согласованию с высшим руководством страны он был назначен начальником нового отдела, созданного в Министерстве внутренних дел России после очередной реорганизации. Здесь уже привыкли к многочисленным проверкам управлением собственной безопасности и к специальным проверяющим, которые должны были контролировать работу личного состава сотрудников МВД. Однако на этот раз впервые создавался абсолютно автономный отдел, находившийся в прямом подчинении министра для контроля за работой высокопоставленных сотрудников самого МВД. Приказ о создании подобного тридцать четвертого отдела был подписан самим министром, а создавать его было поручено одному из руководителей управления уголовного розыска, занимавшегося внедрением своих офицеров в преступные мафиозные структуры по всей стране.

Именно поэтому ни состав отдела, ни его численность, ни кадры самого подразделения не были известны практически никому, даже заместителям министра внутренних дел. И получивший назначение на эту должность полковник Юрий Сергеевич Белобородов стал через несколько месяцев генералом согласно распоряжению министра. Для нужной конспирации им даже разрешили расположить отдел не в здании самого министерства, а совсем в другом месте, где находился кабинет Белобородова и еще несколько комнат для технического персонала. В руководстве отдела работали только двое – генерал-майор Белобородов и его заместитель подполковник Головки. Они были знакомы больше десяти лет, и Белобородов сам предложил подполковника на должность своего заместителя.

Сегодня в здании Федеральной службы безопасности должна была состояться важная встреча с двумя высокопоставленными сотрудниками других силовых ведомств, с которыми они разрабатывали совместную операцию, и Белобородов позвонил своему заместителю, чтобы тот зашел к нему в кабинет.

Если Юрий Сергеевич был среднего роста, массивный, кряжистый, с широким лицом и уже седеющими усами, то его заместитель был высоким, подтянутым, атлетически сложенным светлоглазым шатеном. В молодости Петр Головки занимался гандболом и даже входил в молодежную сборную страны. Подполковника он получил досрочно в тридцать шесть лет за розыск банды особо опасных преступников.

– У меня сегодня первая встреча, – сообщил Белобородов, когда в кабинет вошел его заместитель.

– Да, я помню, – кивнул Головки. – Нужно их предупредить, что мы проводим операцию в рамках нашей общей задачи, и поэтому секретность должна быть абсолютной.

– Это я буду говорить в ФСБ? – хмыкнул Белобородов. – С ума сошел? Представляешь, как они будут на меня смотреть?

– Можно подумать, что у них своих «крыс» не бывает, – заметил Головко. – Ты не помнишь, как они прокололись в прошлом году, когда работали с таможенниками? Тогда двоих офицеров пришлось уволить.

– Я помню, – мрачно ответил Белобородов. – Только не нужно смешивать эти дела. В таможене свои поборы всегда были, это знает любой оперуполномоченный. Там, как в нашем ГИБДД, жить без взяток практически невозможно. Тебе ежедневно предлагают деньги, и если один раз откажешься, второй, пятый, то в десятый обязательно сдашься.

– Тогда почему ты не сдался, когда тебе в прошлом году деньги предлагали? Кажется, сто тысяч долларов сразу принесли? И ты отказался.

– Ты знаешь почему, – отмахнулся Белобородов. – Они нашего офицера убили, а я не продаю кровь наших ребят этим гадам. У меня есть свои принципы.

– У каждого свои принципы, – рассудительно произнес Головко. – Может, там тоже окажутся ребята со своими принципами, а может, окажутся другие. Никто не знает. Сейчас время такое. К откатам и процентам уже все привыкли, и никого это особенно не беспокоит.

– Ладно, все, – решил Белобородов, – так мы с тобой до черт знает чего договоримся. Давай более конкретно. В конце концов, это наша совместная операция. МВД, ФСБ и Госнаркоконтроля. Если сумеем хотя бы уменьшить объемы поставок Бразильца наполовину, то и тогда это будет большая победа.

– Я принес документы, – поднял папку Головко, – и хочу тебя предупредить, что, кроме меня и тебя, с ними никто больше не работает, только мы вдвоем. Я думаю, так будет правильно. Извини, но это настолько важное дело, что я никому не могу доверять, даже нашим офицерам, и тем более чужим. Никому.

Белобородов задумался, затем неожиданно спросил:

– Значит, мне ты доверяешь?

– Сам знаешь, – ответил Головко. – И не потому, что мы с тобой такие уж кристально честные. Просто нас поставили на это дело и поручили его выполнить. Даже не нас, а именно тебя. И ты получил недавно генерала, поэтому будешь последним человеком, кто захочет провалить операцию. Значит, тебе можно доверять. У тебя есть мотивация быть честным человеком.

– Тебе не говорили, что ты просто циник? – усмехнулся Белобородов.

– Много раз, – согласился Головко. – А я думаю, что лучше быть циником, чем дураком.

– Закончили дискуссию, – решил Белобородов. – Не забудь, что я еду через полтора часа договариваться о совместной работе. А насчет твоего дела... Может, ты и прав, держи его у себя. Мы хотя бы будем знать, как произошла утечка информации, если она произойдет.

Головко поднялся, согласно кивнул головой.

– Подожди, – остановил его генерал, – только один вопрос. Если завтра вдруг действительно произойдет эта самая утечка информации, ты будешь подозревать меня? Или я должен подозревать тебя? Считаешь это правильным?

– Да, – чуть помедлив, ответил Головко, – мы хотя бы будем знать, кто из нас «крыса».

– Упрямый хохол, – снова усмехнулся Белобородов. – Знаешь, почему я попросил тебя в свой отдел?

Головко молча смотрел на него.

– Вот за эту твою упертость, – пояснил Белобородов, – за твой собачий характер. Ты сохнешь, но не уступишь. И если завтра мы провалим операцию, ты первым войдешь ко мне и скажешь, что я «крыса».

– Нет, – ответил Головко, – я так не скажу. Я поступлю иначе...

Теперь уже генерал молча посмотрел на него.

– Я убью «крысу», – мрачно сообщил подполковник. – Разрешите идти, товарищ генерал?

– Упрямый дурак, – повторил Белобородов. – Иди.

Через полтора часа он уже находился в кабинете генерала Федеральной службы безопасности Керашева. Сорокавосемилетний Заурбек Керашев был родом из Майкопа. Прежде чем получить назначение в центральный аппарат ФСБ, он работал в Санкт-Петербурге и на Северном Кавказе. Сухопарый, в очках, уже начинающий седеть, он походил скорее на ученого, чем на генерала спецслужбы. Сидевший в его кабинете полковник Антон Токарев был прикомандированным к этой операции сотрудником Госнарконтроля.

Все трое офицеров, находившиеся в комнате, понимали важность задачи, которую они должны были решать.

– Юрий Сергеевич, можете начинать, – предложил Керашев.

– Да, конечно. – Белобородов подвинул к себе папку с документами. – Итак, мы уже полтора года ведем наблюдение за бандой Бразильца. Кроме поставки наркотиков, на их счету несколько громких убийств: они безжалостно расправляются с конкурентами, убирают неудобных свидетелей, отличаются особой жестокостью. Мы убеждены: Бразилец имеет своих покровителей в силовых структурах, что позволяет его банде существовать уже больше шести лет. Кроме того, он имеет обширные международные связи, которые, очевидно, уже по вашей линии, – обратился он к своим собеседникам. – Ну и самое главное, что все наши попытки выйти на его связи пока не имели никаких шансов на успех. – Он раскрыл папку, показывая фотографии. – Это Бразилец, он же Оскар Ваганов. Это материнская фамилия. Его отец был студентом с Кубы, отсюда кличка Ваганова, хотя никакого отношения к Бразилии он никогда не имел. Но говорят, что в молодости хорошо играл в футбол, занимался спортом, поэтому к нему и приклеилась такая кличка. Ему сейчас сорок два года. Имеет высшее образование, знает четыре языка. В двадцать четыре года осужден за убийство в драке. Получил восемь лет, отсидел три года, вышел по амнистии, статью переквалифицировали на нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть. В тридцать один год получил еще один срок за рэкетирство и вымогательство. На этот раз отсидел почти четыре года. По нашим сведениям, был официально коронован в рязанской колонии и признан другими криминальными авторитетами. Как только вышел на свободу шесть лет назад, сразу начал собирать свою банду, очевидно, получив благословение руководителей преступного сообщества на поставки наркотиков. Вместе с ним по северному маршруту действовали еще две другие преступные группы. Бразилец расправился с обеими беспрецедентно и показательно жестоко. Убивали всех, кто осмелился выступить против них. Кстати, вот фотография его главного «палача». Феликс Викулов. Сорок восемь лет. Четыре судебных приговора. В общей сложности провел за решеткой больше пятнадцати лет. Такой удачливый «специалист» по устранению неудобных. Когда в тамбовской колонии вспыхнул известный мятеж, он был как раз там, но так и не смогли доказать, что именно Викулов убил двоих надзирателей. Его кличка Стальной Феликс.

– Был в свое время Железный, а сейчас появился Стальной, – усмехнулся Керашев.

– Грязная компания, – поморщился Токарев.

– Не чистая, – согласился Белобородов. – В последнее время, правда, у Бразильца появился новый конкурент – банда некоего Роберта Туманова по кличке Отшельник. Мы сейчас пытаемся выяснить, откуда появился этот Отшельник. Но, судя по нашим данным, они довольно скоро серьезно схлестнутся.

– У нас тоже есть такие сведения, – подтвердил Токарев, – причем Отшельник и его бандиты сейчас действуют даже более удачно, чем остальные преступные группы. Но мы пока не знаем ни численности, ни состава банды Отшельника, ни тем более откуда он появился.

– Это мы быстро выясним, – пообещал Керашев. – Нас очень беспокоят международные связи Бразильца. Уже американский Государственный департамент заинтересовался нашими доморощенными бандитами. Их тоже волнуют связи Бразильца с южноамериканцами. Там поставки наркотиков увеличиваются в геометрической прогрессии.

– Мы думали, что основной поток обычно идет из Афганистана, – вставил Токарев, – а сейчас оказалось, что кокаин поступает из Центральной Америки, и мы вынуждены очень серьезно заниматься именно этим направлением, даже посылаем туда своих специалистов.

– Американцы, как и мы, заинтересованы в ограничении кокаинового потока, – подтвердил Керашев. – Эта волна делится ровно на две части. Один поток идет непосредственно в Соединенные Штаты, в основном из Колумбии, а второй – из Центральной Америки. И связи Бразильца и его компании нас тоже очень беспокоят. Я думаю, мы все трое понимаем, что дело уже не только и не столько в Ваганове. При желании его можно даже убрать, как обычно действовали в девяностые годы, когда особо ретивых и зарвавшихся преступников просто убирали офицеры спецназа, которым поручались подобные операции. Сейчас это уже не секрет. Но мы проанализировали ситуацию. Если убрать Бразильца, его место не останется пустым. Там такие прочные связи, что вместо него сразу появится другой. Тот же Стальной Феликс или еще кто-нибудь. А самое главное – нам нужно не просто остановить потоки этих поставок, нам нужны связи Бразильца, его выходы на правоохранительные службы нашей страны, если хотите, его международные связи. Мы не можем их просто так обрубить после внезапной смерти Бразильца. Сейчас мы в таком смешном положении, что должны даже оберегать этого садиста от его конкурентов, чтобы выяснить все его связи и информаторов.

– Основной конкурент будет, очевидно, Отшельник, – быстро сказал Токарев. – Мы уже начали приглядываться к этому новому лицу. Хотя, по нашим сведениям, он не является авторитетом для преступного мира.

– Станет, – уверенно произнес Керашев. – Как только выйдет на уровень поставок Бразильца, так сразу и станет. Но мы хотели бы сначала выслушать предложения нашего гостя.

– Как я уже сказал, мы внимательно следим за этой преступной группой уже полтора года, – продолжал Белобородов. – И нам удалось внедрить нескольких наших информаторов в окружение Бразильца. Поэтому мы полагаем, что активные действия против его банды должны вестись параллельно с анализом поступающей информации, которую мы будем иметь. Здесь я соглашусь с генералом Керашевым. Сейчас не время резких и активных действий, иначе мы не сможем провести всю операцию до конца.

– То есть вы предлагаете ничего не делать? – спросил Токарев.

– Конечно, нет. Если мы резко свернем нашу активность, это неминуемо вызовет ненужные подозрения у того же Бразильца. Там тоже не дураки, они умеют просчитывать варианты. У Оскара Ваганова высшее математическое образование; поэтому резкая смена нашей активности вызовет у него немедленное подозрение. Мы предлагаем продолжать нашу работу, при этом дать нам возможность получить более конкретную информацию о международных связях Бразильца и его покровителях в наших правоохранительных органах.

– То есть вам нужно время, чтобы мы не проводили активных действий? – уточнил Керашев.

– Я полагаю, что все наши действия должны быть согласованы, – возразил Белобородов, – но нам нужен Бразилец и его ближайшее окружение. Я предлагаю воздержаться на некоторое время от силовых приемов именно против верхушки его преступной группы.

– Не представляю, как я смогу объяснить это нашему руководству, – сказал Токарев, – меня просто не поймут.

– А иначе мы никогда не выйдем на их связи и не уточним, за счет каких предателей Бразилец продержался так долго, – пояснил Белобородов.

– Сколько времени вам нужно? – уточнил генерал Керашев.

– Пока трудно ответить, но не меньше шести месяцев.

– За шесть месяцев в нашей стране от наркотиков умрет еще несколько тысяч человек, и сюда придут еще несколько сотен тонн кокаина, – возмутился Токарев. – Я уверен, что мое

руководство не пойдет ни на какие сделки подобного рода. Мы будем активно противостоять проникновению в нашу страну подобной отравы.

– Это мы и предлагаем, – кивнул Белобородов. – Но вместе с тем мы также будем активно разрабатывать эту преступную группу, чтобы выявить их связи. Возможно, и ваша активность поможет нам в этой операции. Но с условием, что непосредственно Бразильца вы временно не будете трогать, хотя бы полгода. У вас ведь все равно пока на него нет ничего конкретного.

– Думаю, что на такой вариант мое руководство согласится, – решил Токарев.

– Мы тоже заинтересованы в выявлении его международных связей и возможных информаторов среди офицеров правоохранительных органов, – добавил Керашев.

– В таком случае мы договорились, – удовлетворенно произнес Белобородов. – Вы продолжаете активные действия против преступной группы Бразильца, при этом стараясь не выходить на непосредственного руководителя, чтобы дать нам возможность установить его связи и информаторов.

– Вы считаете, что сможете это сделать? – поинтересовался Токарев.

– Посмотрим, – ответил Белобородов.

– Неужели вам удалось внедрить кого-то в ближайшее окружение Бразильца? – спросил Керашев.

– Это уже наши профессиональные тайны, – улыбнулся Белобородов. – Вы же знаете, сколько офицеров полиции обычно внедряют в различные бандитские группировки; сколько нелегалов мы должны иметь среди них, чтобы знать обо всем, что там творится.

– Знаю, – ответил Керашев, – но вашим людям нужно быть осторожнее. Сейчас легче работать разведчиком-нелегалом в чужой стране, чем быть внедренным в банду в собственной. Гораздо меньше риска.

– Да, – согласился Белобородов, – об этом мы всегда помним.

Глава 5

Она сама не понимала, что именно с ней происходит. Этот непонятный и загадочный человек, полубандит-полубизнесмен с манерами аристократа, выдающими в нем человека со вкусом, и вместе с тем с повадками мошенника или карманного вора, вызывал у нее жгучий интерес. Она не хотела признаваться даже самой себе, что ей было интересно с этим мужчиной, он по-настоящему ее волновал и интересовал.

Раньше все было гораздо проще и понятнее, когда она скиталась без работы и без денег в огромной Москве. Чтобы взять ее на работу, владелец ночного клуба сразу предложил ей переспать с ним. Она была уже не девственницей, но этот первый случай запомнила на всю жизнь. Первый случай, когда мужчина был ей омерзителен, но она терпеливо вынесла все, что он ей предлагал, даже такие вещи, о которых она без содрогания раньше не могла и подумать. Но чтобы получить работу и как-то выжить в безумной Москве, потерявшей всякий стыд и мораль к девяносто пятому году, пришлось согласиться. Потом были другие. Их интересовали только ее молодость и ее тело. Один даже умудрился не узнать ее имени, оно ему было ни к чему.

Друг, который вытащил ее из этого ужаса, был обычным бизнесменом средней руки. В нем еще сохранились какие-то человеческие черты, не выжженные криминальными разборками и безжалостным бизнесом середины девяностых, поэтому он не только помог ей с квартирой, но и устроил в институт, помогал деньгами и после рождения сына. Когда его убили, казалось, что мир рухнул раз и навсегда. Но потом появился первый супруг – Михаил Петрозашвили. Он был старше Ирины и не скрывал своих чувств к этой красивой, породистой женщине, как не скрывал и то, что ему льстило внимание мужчин к его даме сердца, их завистливые взгляды. Петрозашвили был грузином, и в нем присутствовало некое южное зазнайство, свойственное особенно представителям этого народа.

Через некоторое время Михаил сделал Ирине предложение, посчитав, что именно она будет лучшей для него парой. В отличие от отца ее ребенка он был уже достаточно крупным бизнесменом, владел большим супермаркетом. Но с ним ей было скучно и грустно. Она его никогда не любила и выходила замуж, отчетливо понимая, что просто обязана обеспечить себя и своего сына, подумать об их материальном положении, которое буквально с каждым днем становилось все хуже и хуже.

К чести Петрозашвили, он был щедрым и добрым человеком по отношению к женщине, какими часто бывают представители его народа. Через несколько лет Ирина объявила, что подает на развод. К этому времени они уже практически не жили вместе как муж и жена. Муж оказался благородным человеком – он оставил ей квартиру и дачу, две машины и неплохую сумму денег для самостоятельной жизни. Кроме того, официально усыновил ее сына, поэтому был согласен даже выплачивать ей алименты, от которых она благоразумно отказалась.

Квартиру Ирина сразу сдала, чтобы иметь постоянный доход, и переехала на дачу. Постепенно стала выходить в свет, обзавелась новыми знакомыми. Повсюду она появлялась как Ирина Петрозашвили, и многие даже считали, что она грузинка по рождению, чисто и бегло говорящая по-русски. А затем она встретила Романа Хаусмана. Ей было около тридцати, ему за сорок пять. Она знала, что он был дважды женат, и понимала, что удержать подобного человека рядом с собой будет достаточно сложно. Но она знала и другое – этот мужчина занимал место в первой сотне самых богатых людей страны, и поэтому благосклонно приняла его ухаживания. Весь опыт ее нелегкой жизни в Москве очень помог увлечь Романа Эдуардовича. В конце концов, он сделал ей официальное предложение, и вот уже почти пять лет они вместе. Она никогда не жалела о своем выборе, охотно выполняла свой супружеский долг, пытаясь разнообразить их отношения, поддерживать его постепенно угасающий интерес. Ему было уже за пятьдесят, и

возраст начинал сказываться. Он по-прежнему был увлечен своей молодой женой, а она всего лишь позволяла любить себя, вступая в сексуальные отношения лишь для поддержания его интереса. Но по-настоящему она не любила и второго супруга.

Возможно, некоторые чувства Ирина испытывала к отцу своего сына, убитому больше десяти лет назад. Но мужчины отбили у нее всякий интерес к своему полу. Похотливые, дурно пахнущие самцы, которых интересовало только ее тело и которые, получив свое, сразу теряли к ней интерес. Она слишком хорошо помнила их сопение, когда так нуждалась в их покровительстве и защите, не доверяла и презирала их. И вот теперь впервые в жизни встретила мужчину, который был ей интересен. Она неожиданно поняла, что целых два дня испытывала большое желание и разочарование из-за того, что он так спокойно ушел со свидания, так и не предложив ей подняться с ним наверх. Ее это не просто задело, она испытывала смешанное чувство ненависти и разочарования, желания и удивления и два дня провела словно в лихорадке, ей казалось, что она попала под гипноз этого человека.

А затем наступило послезавтра. С самого утра Ирина колебалась, не зная, как ей поступить. Может, будет правильным, если сегодня и она откажется от этого свидания; найдется тысяча причин, чтобы не пойти на встречу. Но ей так хотелось еще раз увидеть его серые глаза, почувствовать прикосновение его сильных пальцев, оказаться рядом с ним. Он так сильно схватил ее тогда за бедро, что даже остались синяки. Но это были приятные воспоминания. На всякий случай она поехала утром на укладку, отметив про себя, что еще ничего не решила. Примерно в полдень вернулась домой, чтобы принять ароматическую ванну. Затем начала одеваться, тщательно выбирая белье, словно готовилась к первому свиданию в своей жизни. В какой-то момент остановилась и улыбнулась, неожиданно поняв, что это действительно первое свидание в ее жизни. И дело не в его подарке, который лежал у нее на комодке целых два дня. Роман Эдуардович даже не поинтересовался, откуда этот медальон. Он знал, что у супруги есть две кредитные карточки «Американ экспресс» с неограниченным кредитом, и она могла купить себе все, что считала нужным.

Но сегодня действительно было первое, по-настоящему первое свидание в ее жизни. Раньше она выходила на такие встречи в силу материальных или бытовых проблем, пытаясь просто выжить, устроить свою жизнь, обеспечить своего сына. Даже когда встречалась с отцом своего мальчика, который ей безусловно нравился, она понимала, что делает это не только под влиянием чувств, но и в силу достаточной расчетливости. А сегодня впервые в жизни шла на свидание с мужчиной, от которого ей ничего не было нужно. Ни его подарков, ни его денег, ни его состояния. Ей был интересен Роберт Туманов именно как мужчина, поэтому она волновалась больше обычного.

Закончив одеваться, Ирина села перед зеркалом. Макияж занял довольно много времени, ей так хотелось быть особенно красивой. Затем позвонила своему водителю, который сообщил, что стоит у дома вместе с ее телохранителем. Услышав про него, Ирина поморщилась. Этот громила был приставлен не столько телохранителем, сколько шпионом. Он докладывал Роману Эдуардовичу о каждой их поездке.

Распорядившись, чтобы они ждали ее внизу, она снова подошла к зеркалу. Неужели она в третий раз пойдет на свидание? Неужели она настолько себя не уважает? Пусть он ждет, пусть мучается, пусть поймет, что не каждую женщину можно уговорить подняться в номер. Сегодня она не поедет к нему на свидание. Но, приняв это решение, Ирина быстро вышла из комнаты, направляясь к выходу. Уже усевшись в машину, она осознала, что против своей воли назвала отель «Ритц-Карлтон».

«Я скажу ему, что мы больше никогда не будем видеться, и уйду, – решила Ирина. – Пусть понимает, что я замужняя женщина, и его приемы, рассчитанные на дешевых «прошмандовок», не проходят в общении с такими дамами, как я. Пусть почувствует разницу».

Она вспомнила, что положила медальон в сумочку с твердым намерением вернуть его Туманову. В конце концов, она не дешевая любовница и не находящаяся у него на содержании дама, которой можно делать такие подарки. Вытащила футляр из сумочки и раскрыла его. Медальон действительно был очень красивым. «Если бы мне подарили его пятнадцать лет назад, – неожиданно подумала она... – Если бы он встретился мне пятнадцать лет назад... Хотя нет, пятнадцать лет назад мне было девятнадцать и было бы уже поздно. Значит, шестнадцать или семнадцать лет назад. Сейчас мне тридцать четыре, ему около сорока. Он был тогда совсем молодым человеком, а я глупой и наивной дурочкой, которая пыталась выжить изо всех сил. Если бы мне попался тогда такой молодой человек, который подарил бы мне подобный подарок, даже не дорогой, пусть просто букетик самых дешевых цветов, и просто сказал бы, что меня любит... Какой идеальной женой я могла стать, какой заботливой мамой! Не было бы в моей жизни этих похотливых и потных мужиков, больно хватающих меня за грудь, не было бы столько унижений и оскорблений, через которые пришлось пройти...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.